

А.С.МАДЖАРОВ

СТРУКТУРА ПРОСТРАНСТВА В КОНЦЕПЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА А.П.ЩАПОВА

А.П.Щапов — выдающийся историк XIX в. — принадлежал к числу тех немногих исследователей старообрядчества, труды которых оказали непреходящее влияние на процесс изучения этого явления. В основании его исторической концепции лежали базовые понятия, воплотившие коренные демократические ценности, отличавшие ее от других течений мысли русской историографии второй половины XIX в.: народ, свобода, территория.

Они конкретизировались в узловых понятиях земско-областной теории — колонизация, областность (не путать с областничеством), община, вече, земские соборы, — которые во взаимосвязи составили структуру исторической концепции А.П.Щапова. Одновременно каждое из конкретно-исторических понятий его земско-областной схемы, являвшихся ее опорными точками — колонизация, областность, община, вече, земские соборы — несло в себе базовые понятия (народ, свобода, территория), представляя их уже не вообще, а в соответствии с местом в социальной структуре России и динамикой ее исторического развития как “географическое”, историческое, неформальное и структурированное движение народа.

Колонизация (движение вширь) — постепенное свободное расселение народа на необжитой, новой территории страны, появление “федерации областей”, в которой каждая область опиралась на свою “естественно-историческую основу” (народ, свобода, территория).

Областность — итог процесса колонизации — форма свободного (до централизации) движения “вглубь” — духовного, этнического, экономического саморазвития народа на данной территории (народ, свобода, территория) и т.д. (1).

Понятие пространства русской истории (историографического

пространства) занимало в концепции А.П.Щапова свое место, выполняло определенное назначение (2).

Он всегда признавал важное значение единого русского государства, но будучи федералистом, прежде всего пытался понять специфику отдельных регионов России и значение "области" в истории народа и политике государства. "Русская история, — основанная на одной идее централизации, исключая идею областности, — заявлял исследователь, — есть то же, что отрицание существенного, жизненного значения областных общин, как разнообразных органов, в составе и развитии политического организма всего народа" (3).

Объективным основанием областности в концепции историка являлась специфика локальных подпространств русской земли.

Как писал А.П.Щапов, "до образования Московского государства обширная русская земля представляла многосложную федерацию областей", то есть единое пространство состояло из ряда подпространств (4). Что предопределяло появление этих локальных пространств? В чем заключались их особенности?

По словам А.П.Щапова, адресованным С.М.Соловьеву, областность в отличие от централизации имеет "органическое" пространственное основание. Структура пространства в структуре областного начала А.П.Щапова, как уже говорилось, являлась базовой. "Все великорусские области, — согласно его выводам, — первоначально образовались путем славяно-русской колонизации преимущественно **по речным системам, волокам...** Эта колонизационная, **географическая** и этнографическая основа областей была первоначальною, естественно-историческою основою, закладкою всего областного строя Великой России. **Славяно-русские колонии уседались, распределялись в такие территориальные округа, какие условливало географическое очертание, водное разграничение и этнографическая связь**" (Выделено мной. — А.М.). "Обширность местной территории, отдельность, особенность речной системы, чересполосность и другие топографические" факторы и характеризовали специфику областного подпространства, которая в свою очередь предопределяла появление других областных особенностей (5).

В контексте упомянутой выше системы понятий земско-областной доктрины развивалась и частная по отношению к ней кон-

цепция старообрядчества.

Об оценке историком раскола, его вкладе в исследование старообрядчества в сравнении с клерикально-охранительным и официальным направлениями, о содержании метода исследования этого движения в литературе говорилось (6).

Дополнительный свет на специфику демократической концепции старообрядчества может быть пролит путем изучения открытого пока вопроса об особенностях оценки историком базовой категории — категории пространства, и ее месте в концепции старообрядчества.

Оценка пространства в концепции раскола носила земско-областной характер, строилась на базе упомянутых категорий, но не исчерпывалась рассуждениями, присущими общеисторической схеме, дополняла их.

А.П.Щапов рассматривал раскол как итог разделения “между *государевым, царственным, и народным, земским, делом*”, общинную оппозицию “податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского” (7).

Земство в лице старообрядцев, согласно доктрине историка, продолжало обустривать Россию “по плану старого земского строения”, то есть в процессе свободной колонизации и свободного областного саморазвития (8). Раскол взял “на себя *земское дело* продолжать, развивать, по мере возможности, помимо *государева дела, великорусское земское строение* новых общин, согласий, сходов, советов, соборов, по истаринным своенародным началам, путем новой колонизации, путем новой религиозной пропаганды” (9).

Процесс колонизации страны, его итоги, были тесно связаны со структурой осваиваемого пространства. В концепции старообрядчества пространство, подпространства отечественной истории, сверх земско-областной характеристики, получили новую окраску, новые границы, иное деление. Духовная оценка, “ложилась” на “землю” и меняла ее в глазах староверов.

Историк показал, что земля, территория, пространство, то, что находилось под ногами, на чем стоял человек, не являлись лишь внешней рамкой его бытования, жизни государства, а рассматривались как глубокая основа устройства мира народа и старообрядцев как ее части, которую в данном случае он прежде

всего имел в виду. “Народ русский до того практичен, до того склонен к реализму, к положительности, до того неспособен оторваться от *земли* за облака, что *землю* взял за основу всего своего общинного устройства, социальную гражданственность назвал *земским строем*, людей назвал *земскими людьми*, их собрания и думы *земскими советами*, *земскими соборами*, статистические таблицы *земляным делом*” (10).

Обращая внимание на этот земский ориентир старообрядца, историк хотел подчеркнуть глубину связи человека с пространством своей земли. Он имел в виду, что не апокалипсис только, а именно земля и свобода привлекали такого человека. Когда же на “свободном” упорядоченном “земском” пространстве в период царствования Алексея Михайловича и особенно Петра I, по мнению старообрядцев, воцарился антихрист, и церковь, и пространство русской земли раскололись. “На основании убеждения, что православные городские и сельские общины, расписанные Петром на губернии, провинции и уезды, ... суть области царства Антихристового, раскол, — по словам А.П.Щапова, — стал развиваться, на новых местах, свои народные общины” (11). Движение старообрядцев “принимало *областное* направление и устройство” (12). Именно выход из антихристовых областей к “свободному территориальному, земскому, колонизационному устройству”, по мнению А.П.Щапова, являлся целью движения (13).

Пространство России в глазах старообрядцев распалось на два подпространства — земли антихриста и земли, свободные от него.

К пространству антихриста они прежде всего относили Москву, а также территории, заселенные людьми, верными официальному православию — Великороссию.

А что из себя представляло и где находилось пространство, свободное от антихриста?

Прежде всего это были земли новые, то есть не обжитые, не заселенные, в противоположность “старым”, обустроенным. Вот только на новые земли их влекли “старые”, утраченные ценности.

“...Мысль о воцарении Антихриста в Великороссии... так была нестерпима для большей части народа..., что многочисленные массы земства забывали все свои страдальческие, вековые исторические труды, работы в великом деле первоначальной... обстройке России городской и сельской”. На новом месте, на простран-

стве, свободном от антихриста, они “словно потерянный рай искали ... свою *старую Россию*” (14).

Новое, чистое в духовном отношении пространство, реально являлось девственным лесом, горами, пустынями. “Вне лесов, — утверждал, по словам А.П.Щапова, один из керженских расколотучителей, — ныне царство Антихристово. Я шлюся на божественное писание” (15).

“Пустыня, — по словам А.П.Щапова, — в Антихристовы лета гонения, была для гонимых староверов прекрасною матерью” (16). Об этом свидетельствует цитируемое историком, любимое старообрядцами стихотворение.

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришел язъ тебя соглядати.
Потщися мя восприяти,
И буди мне яко мати,
От смутного мира прими мя,
С усердием в тя убегаю...
Прекрасная мати пустыня,...
Не знаю себе, что и быти,
Да где мне главу преклонити,
Понеже Антихристовы дети
Всюду простирают на нас сети,
Хотят они нас уловити,
Антихристу преклонити,
А веру Христову переменить.
Прекрасная мати пустыня!
От сего лукавого изми мя,
Потщахся в тебе убежати.

Старообрядцы в свете своей оценки реформ Никона, а затем и Петра I, согласно логике концепции А.П.Щапова, отдавали предпочтение более привычному и соответствующему духу свободы движению, развитию “вширь”, в противовес более тесному, ограниченному, регламентированному развитию “вглубь”. И в этом выборе движения “вширь” оценка части пространства русской земли как подпространства, свободного от антихриста, играла ключевую роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Маджаров А.С. Идея "колонизации" территории России в историографии второй половины XIX века (С.М.Соловьев, А.П.Шапов, В.О.Ключевский) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 1999. Иркутск, 1999.

2. См.: Маджаров А.С. Историографическое пространство в исторической концепции С.М.Соловьева и А.П.Шапова // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2000. Иркутск, 2000.

3. Шапов А.П. Соч. Т.1. СПб., 1906. С.652.

4. Там же. С.654.

5. Там же. С.650, 654, 659.

6. См.: Маджаров А.С. Афанасий Шапов. Иркутск, 1992; Он же. Эволюция демократического направления в русской историографии 50—70-х гг. XIX в. Иркутск, 1994.

7. Шапов А.П. Указ. соч. С.458, 460.

8. Там же. С.479.

9. Там же. С.460.

10. Там же. С.481.

11. Там же. С.476.

12. Там же. С.461.

13. Там же. С.476.

14. Там же. С.479.

15. Там же. С.478.

16. Там же. С.480.